

Вероника Аникина

ФИЛОСОФСКИЕ ТРАДИЦИИ ИЗУЧЕНИЯ РЕФЛЕКСИИ В КОНТЕКСТЕ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ САМОПОЗНАНИЯ

Аннотация. В рамках статьи рассматривается проблема понимания рефлексии как механизма самопознания. Анализ работ Н. Кузанского и М. М. Бахтина позволил выделить модели рефлексии, которые можно отнести к трансцендентальной и экзистенциально-герменевтической философской традиции рассмотрения рефлексии. Полученные обобщения стали основанием для выхода на новое понимание значения рефлексивного механизма в процессе самопознания.

Ключевые слова: рефлексия, трансцендентальная и экзистенциально-герменевтическая философские традиции изучения рефлексии, самопознание.

Abstract. In terms of this article the problem of understanding reflection as a mechanism of self-knowledge is under consideration. The analysis of works by N. Cusanus and M. Bakhtin allowed singling out models of reflection, which can be referred to transcendent and existential-hermeneutic philosophical tradition in exploring reflection. The given general conclusions became the grounds of appearance of new notion of reflection mechanism in the process of self-knowledge.

Keywords: self-reflection, transcendent and existential hermeneutic philosophical tradition in exploring self-reflection, self-knowledge.

Проблема
самопознания
в психологии

Проблема самопознания человека остается актуальной, значимой и еще далеко не раскрытой для современной психологии. Поиск ее решения является одной из центральных задач гуманистической и экзистенциальной психологии (М. Босс, Л. Бинсвангер, А. Ленгле, Р. Мэй, А. Маслоу, К. Роджерс, Э. Фромм, В. Франкл и др.), когнитивной психологии (Д. Дж. Беем, Р. А. Векланд, С. Дувал, Дж. Дж. Скварронски и др.), понимающей психологии (Ф. Е. Василюк). Самопознание является предметом исследования в субъектно-деятельностном подходе (С. Л. Рубинштейн, К. А. Абульханова-Славская, А. В. Брушлинский и др.), психологии человеческого бытия (В. В. Знаков).

Такое разнообразие подходов к исследованию самопознания указывает на глубину философских оснований этой проблемы и тем самым на возможность выявления новых ракурсов в ее изучении в психологии. Рассмотрим на уровне философской методологии один из аспектов исследования самопознания – механизмов, включенных в данный процесс.

Рефлексия как механизм самопознания

Вопрос о механизмах получения и формирования субъектом знаний о самом себе непосредственно связан с областью изучения рефлексии. Как отмечал в своих работах А. А. Кузьмин [1], необходимость разрешения «проблемы рефлексии возникает, в том числе при рассмотрении проблемы – соотношения рефлексии и понимания, при философском анализе сознания». Однако данная проблема лежит в рамках более широкого поля размышлений – решения гносеологического вопроса, раскрытие которого обуславливает необходимость объяснения связи рефлексии с познанием и самопознанием.

Трансцендентальная традиция понимания рефлексии

В философии выделяют трансцендентальную и экзистенциально-герменевтическую традиции, в которых отражено различное понимание сущности рефлексии.

В рамках трансцендентальной традиции рефлексия рассматривается как феномен, непосредственно связанный с сознанием, и по отношению к чувственному познанию характеризуется своей первичностью или онтологическим различием. (Р. Декарт, Дж. Локк, Л. Лейбниц, И. Кант, И. Г. Фихте, Г. Гегель, Э. Гуссерль, М. К. Мамардашвили и т.д.).

Герменевтико-экзистенциальная традиция понимания рефлексии

Герменевтико-экзистенциальная традиция представляет рефлексия как явление, непосредственно вплетенное, обуславливаемое и обуславливающее коммуникативные акты, которые предполагают понимание, взаимное пересечение оценок и самооценок. Рефлексия начинает выполнять прогностические функции, актуализирует смыслы и осуществляет личностные переоценки, переинтерпретации собственных возможностей (М. Хайдеггер, Ж.-П. Сартр, М. М. Бахтин, А. Камю, М. Бубер и т.д.).

Истоки изучения рефлексии в философии

Обращение к истокам появления данных традиций позволит нам выявить ту первичную связь между рефлексией и самопознанием, тот контекст, в котором зарождалась сама проблема самопознания.

Уже в Античности проблема познания детерминировала поиск ответа на вопрос о возможности божественного и человеческого самопознания и механизмах, включенных в данный процесс. Идеи Платона, Аристотеля, Плотина являются точкой отсчета изучения рефлексии в философии.

Чистое «Я» и эмпирическое «Я»

В своих размышлениях о человеке, как дуалистическом существе, Аристотель выделял в нем чистое «Я» (имеющее исключительно ноэтическую природу) и эмпирическое «Я» (динамическое и субстанциональное единство души и тела). Прочтение Аристотеля позволяет нам говорить также об описании механизмов, кото-

рые включены в самопознание человека. Чистое «Я» высвечивается посредством созерцательной деятельности человеческого ума, который имел аналогию у Аристотеля с «нусом», а вот эмпирическое «Я» узнает себя в зеркальном отражении – в другом эмпирическом «Я». В «Большой этике» Аристотель писал: «Самое трудное, как говорили некоторые из мудрецов, – познание самого себя..., но и самое приятное (ведь знание самого себя приятно), однако сами по себе мы не можем созерцать сами себя... Поэтому как, когда мы желаем видеть свое лицо, мы видим [его], глядя в зеркало, так и, когда мы хотим познать самих себя, мы можем познать [себя] смотря на друга..., ведь как мы говорим, друг есть второе Я. Если же приятно знание самого себя, а это знание невозможно без другого, друга, то самоудовлетворенный [человек] нуждается в дружбе, чтобы познать самого себя» [2]. Из этого отрывка мы понимаем, что вопрос о человеческом самопознании проводится Аристотелем в связи с анализом понятий самоудовлетворенности и дружбы. Друг – это носитель особого, значимого, отношения к другому человеку – отношения самопознания. Самопознание человека описывается как явление, обусловленное возникновением особого характера отношений, складывающихся между двумя людьми – ценностных, дружеских. Человек может обладать благом познания себя только благодаря другу.

Самопознание и сознание «Я»

Аристотель разделил проблемы самопознания и сознания «Я». Он функционально противопоставил созерцательную деятельность ума «внутреннему чувственному восприятию человека». Выделяя понятие *koine aisthesis* – «общее чувство», которое в отличие от чувственных данных, систематизирует, оценивает, познает общие чувственно воспринимаемые свойства, философ отмечал, что оно может быть и интеллектуализированным внутренним чувством, «способным к рефлексии» [3]. Здесь Аристотель обозначил проблему, которая впоследствии стала одной из центральных в философии рефлексии – поиск топоса (места) рефлексии. Рефлексия как вопрос о возможности «восприятие восприятия», по Аристотелю, – одно из тех смысловых спектров общего чувства, которое как один из факторов определяет единство самосознания эмпирического «Я», в основе которого лежит чувственное восприятие.

Самопознание как интеллектуализированное внутреннее чувство

Возвращаясь к пониманию процесса самопознания человека, мы можем отметить, что у Аристотеля процесс самопознания эмпирического «Я», с одной стороны, вынесен вовне – он представлен в общении «Я» и

Друга, а с другой стороны, «восприятие восприятия» представлено как интеллектуализированное внутреннее чувство, которое связано с внутренним «общим чувством». Представление о механизме самопознания эмпирического «Я» в работах Аристотеля позволяет нам выделить его некоторые особенности: друг, «Другой», это тот, в общении с которым человек «всматривается сам в себя», тем самым познавая себя. Но это общение пристрастное, оно духовно близкое, ценностно значимое. И здесь мы отмечаем коммуникативную природу этого механизма. Вместе с тем его работа существует и в проявлении «внутреннего интеллектуального чувства». Аристотелем описывается механизм, который определяется существованием некой «внешней» позиции относительно самопознающего человека. Для целостного понимания механизмов самопознания необходимо вспомнить, что чистое «Я», познается благодаря самозерцанию, интенциональной деятельности ума, что предполагает отсутствие непосредственного чувственного восприятия.

Можно ли говорить, что описанный механизм является рефлексией?

Рефлексия как
сознание самого себя
и деятельности

Обращаясь к вопросу о бытии рефлексии, Г. П. Щедровицкий отмечал, что «исследователи непрерывно искали то объективное или онтологическое место, в котором рефлексия могла бы быть помещена, так чтобы вместе с тем ей могли быть приписаны определенные свойства, соответствующие этому месту» [4]. Ученый считал, что на рубеже XI и XII вв. место рефлексии переместилось из плана культуры, из плана мышления и деятельности, «трактуемых как соотношение человека с внешним миром», в план сознания и психики, в план души, то есть появлялось предположение, что имеется сознание самого себя и деятельность человека – рефлексирующая. Этот переворот был развит дальше и на его базе «выросли классические работы И. Канта и И. Г. Фихте, в которых мы заимствуем представления о рефлексии» [5].

Итак, отталкиваясь от современного понимания рефлексии можно сказать, что зарождение трансцендентальной и герменевтико-экзистенциальной философских традиций произошло в Античности. К концу Нового времени трансцендентальная традиция стала наиболее заметной, достигла вершины своего развития в немецкой классической философии (И. Кант, И. Г. Фихте, Г. Гегель), продолжая свое развитие уже в XX в. в рамках феноменологии Г. Гуссерля, философии М. К. Мамардашвили и др.

Герменевтико-экзистенциальная традиция рассмотрения рефлексии стала «заметной» и значимой для практических исследований в XX в. и была представлена в экзистенциальной философии (М. Хайдеггер, А. Камю, К. Ясперс, Ж.-П. Сартр и др.), философской антропологии (М. М. Бахтин, М. Бубер и др.), герменевтике (Х.-Г. Гадамер).

Рефлексия как
трансцендентальная
деятельность души

Ответ на вопрос о том, является ли рефлексия тем механизмом умопостижения, созерцания, схватывания целого, единства, разом раскрывающего внутреннее содержание ума, который в Античности назывался интеллектуальной интуицией, или это механизм, связанный с дискурсивным мышлением, это «интеллектуальное чувство», рассматриваемое как ипостась общего чувства, имеющий связь с чувственным восприятием и более – с непосредственным общением между людьми, в рамках трансцендентальной традиции решился в сторону первого варианта ответа. Собственно такой поворот решения проблемы самопознания и рефлексии обусловлен многими причинами, в том числе формированием религиозного, мистического сознания у человека Средневековья, которое постулировало его трансцендентальность в представлениях о душе, ангелах-хранителях и т.д. Как отмечает Д. О. Парамонов [6], в эту эпоху понятие «душа» начинает рассматриваться как душевная трансцендентность. Осуществляется описание соучастия души в самопознании Богом реальности, описываются рефлексивные практики – деятельности души (иконопись) и видения – визуализация трансцендентного. В связи с этим появляются новые пространства и их восприятия. Возникают световые аналогии и словосочетания: «точка зрения», «угол зрения» – они становятся инвариантом этимологических значений рефлексии.

Акт самопознания
в «зеркале Истины»

Одна из моделей рефлексивного самопознания, разработанная в рамках трансцендентальной традиции, представлена в трактате выдающегося философа эпохи раннего Возрождения Н. Кузанского «О Богосыновстве» [7]. В нем он пишет: «Есть одно беспорочное, прямейшее, бесконечное и совершеннейшее зеркало Истины, которое является Бог... Зеркало Истины отражает в себе искривленные, интеллектуальные, разумные зеркала... Если теперь какое-то разумное зеркало переместить к первому зеркалу Истины, в котором все без ущерба светится истинно, как есть, то зеркало вместе со всеми принятыми им в себя зеркалами перельется в разумное живое зеркало, и такое разумное зеркало примет в себя зеркальный луч зеркала Истины, несущего в себе истину всех зеркал,

конечно, примет в своей мере, но в тот момент вечности это живое зеркало как бы живой глаз с принятием лучей сияний от первого зеркала. В нем же в первом зеркале Истины увидит самого себя как оно есть и в себе опять-таки, по-своему увидит все другие зеркала» [8].

Процесс, который описывает Н. Кузанский, является актом самопознания. В нем можно выделить некоторую последовательность этапов.

На первом этапе – человек, как «искривленное, разумное зеркало», «перемещается» к Зеркалу истины. Именно поэтому можно говорить о потенциальной активности субъекта, «движении» к самопознанию и познанию других людей. Затем человек *всматривается* (останавливается, осуществляет «настройку» на восприятие себя) в Зеркало Истины (чистейшее и прямейшее) – Бога (второй этап) и, *отразившись в нем* (третий этап), принимая лучи истинного знания, *познает себя* истинным, «таким как есть» (воспринимает объективный образ себя) (четвертый этап). «Взаимодействие» между Богом и человеком строится на способности человека быть отраженным и разумно воспринимать свой образ. Человек у Н. Кузанского имеет (в Боге) *полный чистейший образ, он закончен и неискажен, и изначально таков*, вне Бога он «искривлен», не знает и не понимает себя Истинного. Именно к познанию своего чистого образа устремлены желания и активность человека. Можно осуществить определенную редукцию модели Н. Кузанского и соотнести понятие «Бог» с понятием «зеркальная позиция» и выразить понимание рефлексии следующим образом.

Рефлексия как «зеркальная позиция» разума в сознании

Свойство человеческого разума создавать (выделять, актуализировать) в сознании «зеркальную позицию», относительно которой возникает «избыточное», обобщенное отражение содержаний внутреннего мира и благодаря этому формировать цельное, обогащенное этим отражением новое представление человека о самом себе, можно определить как рефлексию.

Можно сказать, что «зеркальная позиция» объективизируется человеком в своем субъективном мире. Она может быть точкой остановки потока сознания. Такое понимание рефлексии позволяет выделить ее существенные характеристики:

1. Построение особой (зеркальной) позиции (рефлексивной позиции).
2. Построение представления (образа, модели) о содержании внутреннего мира человека относительно этой позиции.

3. Присвоение этого представления человеком.

Важно отметить, что Н. Кузанский, описывая процесс самопознания человека, доказывает включенность разума в этот процесс – разум лежит в основе рефлексивного познания. В этом смысле можно наверняка говорить о том, что взгляды Н. Кузанского отражают переходную эпоху между средневековым мировоззрением и мировоззрением Возрождения, а затем уже и Новым временем. Неслучайно, что световая символика, «зеркальные» модели рефлексии, как традиция, нашла свое продолжение уже в XX в., например, в работах В. Лефевра [9].

Рациональность
и трансценденталь-
ность самопознания

Необходимо отметить, что кроме разума – рационального начала – в процессе самопознания присутствует еще одно основание – духовное, трансцендентное. Она неразрывно связана с духовным всматриванием, созерцанием человека. В представленной модели мы еще не можем разделить рациональное и иррациональное, так как познание себя и других осуществляется не в мире рационального познания, а в другом – трансцендентном мире – там и только там человек может осуществлять практику движения к себе. Активность человека направлена на стремление к постижению именно этого мира, себя в нем, и рефлексия является тем механизмом, который непосредственно включен в данный процесс.

Переход от Средневековья к эпохе Возрождения стал тем периодом в истории исследования рефлексии, в рамках которого в решении проблемы самопознания начал обозначаться трансцендентный ракурс рассмотрения рефлексии.

Самопознание
в отношениях
«Я» и «Другой»

Обратимся теперь к иной традиции изучения рефлексии – экзистенциально-герменевтической. Нами уже было показано, что впервые в Античности в работах Аристотеля самопознание человека описывается как явление, обусловленное возникновением особого характера отношений, складывающихся между двумя людьми – ценностных, дружеских. И здесь механизм самопознания тоже «зеркальный» – друг («Другой») является тем «зеркалом», вглядываясь в которое, человек узнает и познает самого себя. Мы предполагаем, что представленный механизм самопознания имеет рефлексивную природу, и в целом можно говорить о рефлексивной модели самопознания, основой которой является внешняя, аксиологически обусловленная активность человека. Друг становится рефлексивной позицией в процессе самопознания человека, его эмпирического «Я». Мы считаем, что именно аристотелевское понима-

ние природы самопознания является основой экзистенциально-герменевтической традиции исследования рефлексии в философии, которая уже в XX в. была представлена в работах М. М. Бахтина [10].

«Я-для-себя» и
«Другого-для-меня»

Философ выходит на проблему бытия рефлексии через проблему поиска условий оформления внутренней жизни «в душу» [11]. М. М. Бахтин погружает читателя в описание мира отношений и переживаний человека. Внутреннее переживание и душевное целое могут быть пережиты в категории «Я-для-себя» или в категории «Другого-для-меня». И именно от того, в каких категориях переживает себя человек, создается или не создается целое личности.

Отсутствие «Другого», как считал М. М. Бахтин, лишает точки опоры человека в создании себя. Это утверждение связано с особым видением бытия человека в философии М. М. Бахтина: человек принципиально не совпадает сам с собой, он единственный и неповторимый, незаконченный. «Другой» может объяснить «Мое» как целостность, но только если он осуществляет по отношению ко мне *эстетическое действие (оно включает в себя как эстетическое созерцание, так и этический поступок)*. М. М. Бахтин писал, что «действия созерцания, вытекающие из избытка внешнего и внутреннего видения другого человека, и суть эстетического действия» [12]. Само эстетическое действие было описано философом следующим образом: «Я должен вчувствоваться в этого другого человека, ценностно *увидеть изнутри его мир, так, как он его видит, стать на его место и затем, снова вернувшись на свое, восполнить его кругозор тем избытком видения, который открывается с этого места вне его, обрмить его, создать ему завершающее окружение из этого избытка моего видения, моего знания, моего желания и чувства*» [13].

Целостное видение
человеком себя
благодаря
«Другому»

Эстетическое действие представляет собой сложный процесс, результатом которого является оформление целостного видения человеком себя. Данный результат невозможен без активного участия двоих: самого человека и «Другого». В этом процессе можно выделить ряд его составляющих:

- «встреча» двоих, возникновение ценностного отношения друг к другу;
- вчувствование «Другого» во внутренний мир значимого человека;
- посторонние «Другим» представления о мире человека, с позиции самого человека, через призму ценностного отношения к нему;

Диалогичность
самопознания

- возвращение на свою позицию – «Другого»;
- восполнение знаний о самом человеке, исходя из полученного избытка нового видения.

«Другой», осуществляя эстетическое действие, «становится» автором – созерцателем и тот, относительно которого осуществляется действие – героем. Автор внезаходим к герою, чтобы «собрать» его. Сознание автора есть сознание сознания, т.е. оно объемлет героя в целостность. «Я» и «Другой» находятся *в диалоге и переживании*.

М. М. Бахтин описывает типичные случаи отклонения от прямого отношения автора к герою, когда герой в жизни совпадает с автором, т.е. когда он автобиографичен, тем самым он дает возможность проявления саморефлексии, «он должен стать другим по отношению к себе самому, взглянуть на себя глазами другого...» [14]. Однако важно отметить, что ценностное отношение к себе невозможно без ценностного отношения других, и эти ценностные коэффициенты могут не совпадать друг с другом.

Сформулируем определение рефлексии, опираясь на идеи М. М. Бахтина.

Рефлексия – это условие создания цельного, объемлющего, эстетически значимого видения человека, пережитого в категории «Другой-для-меня», но не в категории «Я-для-себя».

Основа рефлексии –
эстетически-
ценностное
отношение между
«Я» и «Другим»

Если осуществлять моделирование той реальности, которую описывает М. М. Бахтин, то рефлексия – это феномен который *может проявиться*, т.е. он вероятностен, и его проявление зависит от *активности «Другого»* и самого человека, во внутреннем мире которого актуализируется позиция «Другого». Активность личности проявляется в стремлении достроить в целостное эстетическое видение свой внутренний мир, через созерцание «своего» внутреннего и внешнего, недоступного для меня, но доступного для «Другого». Основой рефлексии является эстетически-ценностное отношение между «Я» и «Другим». Эстетическое действие становится действием познания и самопознания человека.

Векторы
исследований
самопознания
в психологии

Описанные в рамках различных философских традиций онтологические модели рефлексии позволят, с нашей точки зрения, выделить различные векторы исследований самопознания в психологии:

Проблема личности,
включенной
в самопознание

1. Н. Кузанский определяет самопознающего человека – «искаженным» и «искривленным», но изначально, имеющим свой истинный образ. У М. М. Бахтина человек всегда не определен, он потенциально не завершен. Поэтому целью рефлексии становится в онтологической модели Н. Кузанского – все большее и большее

уточнение, познание своего уже существующего образа, а в модели М. М. Бахтина рефлексивное познание имеет целью дальнейшее – бесконечное «открытие-добраивание» и понимание себя, постоянное и не заканчивающееся движение в самопознании.

Различное представление о человеке у Н. Кузанского и М. М. Бахтина, актуализирует проблему изучения личности, включенной в процесс самопознания. «Какова личность, познающая себя, каковы механизмы и их роль в процессе детерминации самопознания?» – вот те вопросы, поиск ответов на которые отражает актуальные области исследования современной психологии.

Описанные нами онтологические модели рефлексии позволяет говорить о сложной структуре рефлексивной личности. Это утверждение касается прежде всего сферы ее самосознания: в рамках трансцендентальной традиции изначально существует устойчивая структура – «Я» и так называемое «табло сознания», «место рефлексии» относительно которого и происходит рефлексивное самопознание. С позиции экзистенциально-герменевтической традиции все смысловые структуры самосознания: «Я-в-рефлексии», «Я-в-прошлом», «Я-в-будущем» и т.д. устанавливаются, они не являются изначально устойчивыми и детерминированы активной, аксиологической позицией субъекта в общении с «Другим».

Диалогичность и коммуникативная природа рефлексии

2. Человек у Н. Кузанского самопознает себя – истинного, не вступая в коммуникацию с другими людьми. М. М. Бахтин отмечает, что человек движется в добраивании себя (своей души) через диалог с «Другим», таким же не завершенным, но ценностно значимым. Так как у М. М. Бахтина самопознание возможно благодаря «Другому», то здесь можно отметить коммуникативную, социальную составляющую рефлексивного процесса, что определяет еще один ракурс исследования рефлексивного самопознания, уже в его культурно-историческом подходе.

Рефлексия, созерцание, эмпатия, понимание как механизмы самопознания

3. Трансцендентность, с точки зрения М. М. Бахтина, «растворена» во вне и внутри человека. Поэтому рефлексивный процесс включен в процесс самопознания вместе с созерцанием и вчувствованием (быть может, и объемлет эти процессы). В философии Н. Кузанского рефлексия – это рациональный процесс, включенный в индивидуальный трансцендентный опыт личности.

Топос рефлексии и хронотоп самопознания

В этом ракурсе интересным становится изучение взаимосвязи различных механизмов в процессе самопознания: рефлексии, созерцания, эмпатии, понимания.

4. Топосом рефлексии – местом поворота, формирования нового взгляда на себя – в работе Н. Кузанского

Проблема
хронотопа
самосознания

становится Истинное зеркало – Бог, *изначально заданное* и – если совершить редукцию – «объективизированное», зафиксированное во внутреннем мире человека «место». В философии М. М. Бахтина рефлексию можно рассматривать как событие в жизни двоих, которое складывается в коммуникации в ценностном отношении друг к другу, в стремлении познания и самопознания себя и «Другого». Топос рефлексии *выстраивается*, он не задан, как и не заданы в своей полноте и сами участники рефлексивного взаимоотношения. Можно говорить о познавательном рефлексивном взаимодействии, которое определяется и зависит от характера, ценностной взаимоустремленности личностей друг к другу.

Изучение условий и факторов, обуславливающих самопознание и прежде всего: установления аксиологических и диалогических отношений между людьми, появление мотивации на самопознание и познание другого человека, является одним из приоритетных направлений в современных исследованиях самопознания. Более того, мы хотели бы постановить проблему изучения *хронотопа самопознания*.

Нам видится, что центральным направлением исследования самопознания является глубокое изучение самого процесса рефлексии: осуществление концептуальной разработки процессной модели рефлексии и соотнесение этой модели с существующими представлениями о самопознании. Попытка решения этой задачи уже осуществляется в авторских разработках [15].

Процесс самопознания несравненно глубже, сложнее и многоаспектней тех направлений, которые нами обозначены выше, но без изучения очерченных проблемных областей невозможно подняться и увидеть новые горизонты его исследования.

1. Кузьмин А. А. Критика рефлексивного разума. – Новгород, 1998.
2. Аристотель. Большая этика. – Т. 1. – М., 1984. – С. 373.
3. Гарнцев М. А. Проблема самосознания в западно-европейской философии. – М., 1987.
4. Щедровицкий Г. П. Мышление. Понимание. Рефлексия. – М., 2002. – С. 97.
5. Там же.
6. Парамонов Д. О. Рефлексия: экспликация генезиса понятия: Автореф. дис. ... к. филос. н. – Ростов-на-Дону, 2001.

7. Кузанский Н. О Богосыновстве: Избр. филос. труды. – М., 1980.
 8. Там же. – С. 82.
 9. Лефевр В. А. Рефлексия. – М., 2003.
 10. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. – М., 1979; Бахтин М. М. Автор и герой. К философским основам гуманитарных наук. – СПб., 2000.
 11. Там же.
 12. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. – М., 1979. – С. 27.
 13. Там же.
 14. Там же. – С. 19.
 15. Аникина В. Г. Экзистенциальная рефлексия личности в проблемно-конфликтных ситуациях: Автореф. ... к. психол. н. – М., 2000; Аникина В. Г. Рефлексивный тренинг как средство разрешения конфликтных ситуаций // Культурно-историческая психология. – 2009. – № 3. – С. 72–80.
-

